

Ирина Омельченко

A woman with long, flowing red hair and blue eyes is seated in an ornate, dark wood chair with a blue upholstered back. She is wearing a deep red, long-sleeved dress with gold embroidery. The setting is a dimly lit room with several lit candles in the background, creating a dramatic and historical atmosphere.

ФАВОРИТКА

Игра теней. Книга первая

18+

Ирина Омельченко
Игра теней. Фаворитка.
Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69256468
SelfPub; 2024*

Аннотация

В мире, где магия передается по наследству, нет лучшего приданого для юной аристократки, чем бессмертие. Кажется, при перерождении я вытянула счастливый билет? Женихов выстроилась очередь, и все, как на подбор: красавцы, с высоким положением в обществе и среди них даже наследный принц Леравии! Вот только есть одна проблема. Я всех обманула. Что делать, если никакого бессмертия нет?

Содержание

Пролог, в котором я умираю, но это не точно	4
Глава I, в которой ничего не понятно	7
Глава II, в которой есть над чем подумать	14
Глава III, в которой многое становится ясным	23
Глава IV, в которой София перебирает варианты	33
Глава V, в которой для Софии все меняется	42
Глава VI, в которой София узнает о мире больше	51
Глава VII, в которой у Софии нехорошие предчувствия	58
Глава VIII, в которой все скрываются за масками	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ирина Омельченко

Игра теней. Фаворитка.

Книга первая

Пролог, в котором я умираю, но это не точно

Я умерла в январе. Считаю, абсолютно неудачный месяц для смерти. Вокруг еще не утихла новогодняя эйфория, город еще не скинул с себя мишуру и украшения, праздник еще витает в воздухе запахом мандаринов, а тут такая неприятность.

Началось именно с запахов. Резала лук для супа и поняла, что рыдать сегодня не собираюсь. У нас, у девочек, вообще есть определенные привычки, в том числе "расписание рыданий" – я, например, позволяю себе пустить слезу только во время приготовления супа (лук он такой!) и на просмотре трагических фильмов. Это "разрядка", чтобы сохранить оптимизм и остатки нервных клеток. В остальных случаях – мой слоган по жизни: «Не реви», как завещал нам Карлсон, великий и ужасный. Даже с наступлением особых, «красных» дней календаря держусь, хотя иногда очень хо-

чется. А тут раз и нет запаха. Странно.

Потом пропал вкус. Не совсем, конечно. Но даже любимые с детства мандарины стали напоминать картон. Мороженое со вкусом картона, пирожки со вкусом картона. «Блюдо дня» сегодня картон, угощаемся. Неприятно.

Без запаха мандаринов и елки новогоднее настроение пропало совершенно. И к праздникам я приползла уставшая, злая, вымотанная под конец года, словно пробежавший бесконечно долгую трассу марафонец. Зашла в темную квартиру, отряхнула снег с шапки. Печально звякнул ключ, сброшенный на трюмо. Не включая свет стянула сапоги. Кое-как повесила куртку на вешалку, следом шапку. Не помню даже, закрыла ли за собой дверь. Рухнула на кровать под бой курантов и больше встать не смогла. Все, батарейка села, силы кончились.

Напрасно призывно мяукал Тимофей, и даже (вот зараза рыжая!) пытался укусить за ногу. Не добился своего и махнул через форточку к соседке тете Вале. Там-то его завсегда покормят, тетя Валя добрая, всем рада. Она, кажется, стучалась и даже, словно издалека, звала меня. А может это уже были галлюцинации, не знаю. Какое-то время я металась в бреду, и чудилось мне разное. Был момент, когда открыла глаза и совершенно точно осознала: дело плохо. Голова тяжелая, тело горит. Душит кашель, сердце колотится в грудную клетку, словно пытается вырваться наружу.

Пить. Ужасно хотелось пить. И далеко-далеко, на самых

задворках сознания билась мысль о том, что никто не придет. Не поможет, не подаст воды, не вызовет скорую.

А еще немного было себя жалко. Хотя вру, сильно было себя жалко. До слез. Ведь я молодая (ну, относительно, конечно), незамужняя, одинокая, но ведь могла бы еще много чего в жизни совершить, сделать. Замуж выйти, детишек опять же родить. Кого-то осчастливить, наверное. Ага, в космос полететь.

Как обидно! Зря, наверное, всю жизнь тащила всё на своих плечах. «Я справлюсь», «Я смогу», а в результате что? Правильно, пустота вокруг и стакан воды принести некому. Один Тимофей, и тот убежал туда, где накормят. Как-то в такие моменты осознаешь, что жила неправильно. Не так. А поменять уже ничего не можешь.

Вот был бы у меня второй шанс...

Глава I, в которой ничего не понятно

Когда я пришла в себя, нахлынуло чувство неправильности. Все не так.

Тело легкое как перышко. Глаза, правда, слезятся, вместо четкой картинки плавают какие-то белые пятна.словно солнечные зайчики играют в догонялки. Так-с, со зрением пока засада, придется сосредоточиться на ощущениях.

Слабость во всем теле, будто лежу в беспамятстве не день, а целый месяц. Сколько же я проспала? Запах болезни, потного тела, нестиранных простыней, кислой травы и горького лекарства. М-да, ну хоть одна хорошая новость, я снова чувствую запахи. Хоть они и не доставляют удовольствия. А еще почему-то пыльно, нос чешется и вот-вот чихну.

Кровать подо мной слишком твердая и какими-то комками. В бок что-то больно впилося, лежать неудобно, словно матрас набит не привычным синтетическим наполнителем, а чем-то растительным. Может, отсюда запах травы? Кислой, лежалой, сопрелой. Фу.

Но я жива! Это главное. А все остальное мелочи жизни. Тем более, что кашель больше не беспокоит. Я вслушалась в себя – вообще, нормально себя чувствую, как ни странно. Слабость, да, но это и не удивительно после перенесенной

болезни. Жара нет, дыхание ровное, зуд в теле исключительно из-за неудобной позы. Ну и любопытства, потому как начинаю я подозревать странное. Как говорится: «Это ж-ж-ж неспроста».

Я так глубоко ушла в самокопание и самоанализ, что, когда рядом раздался посторонний звук, сердце провалилось в пятки. Рядом кто-то есть! Кто-то находился буквально в метре-двух от кровати, и это не Тимофей. Откуда у меня дома посторонние? Мамочка, помоги!

Замерла, прислушиваясь. Размеренное дыхание с легким, чуть слышным сопением. Тихий шорох ткани, не синтетика, кажется что-то грубее. Едва уловимый скрип дерева. Честно говоря, я даже дышать забыла от неожиданности. Чуть не подавилась. Кашлянула легонько, набрала в легкие воздуха. Вдох – выдох. Надо успокоится. Зрение, вернись!

Хоровод белых пятен перед глазами постепенно сходил на нет. Я заморгала часто-часто, с немалым трудом в очередной раз разлепила ресницы, фокусируя зрение.

Ой, лучше бы не смотрела! Именно окружающая обстановка повергла меня в шок. Низкий потолок, каменная кладка стен, даже не потрудились сверху заштукатурить. Наклонные балки, очевидно чердак под самой крышей. Деревянный настил на полу, в центре квадратный след от ковра. Хм, а сам ковер куда делся? Крохотные окошки-бойницы под потолком без стекла, грубо заколочены досками и едва пропускают свет. В тонких солнечных нитях сверкает пыль. Деревен-

ский минимализм: кровать, стол, да еще ящик, в углу мешки горкой с неведомым содержимым. Ни следа батареи или печки, даже труба в обход этого помещения. В комнате тепло – значит сейчас лето, но каково же здесь зимой?

Сидя на ящике, откинувшись назад к стене, спала девушка. На вид совсем девочка, лет четырнадцать – пятнадцать. Серое потертое платье, передник с большим бурым пятном по нижней кромке, чепец на голове съехал набок. Она его вместо подушки под голову сунула. Я фыркнула, уж очень смешно на нее было смотреть. Ноги широко по-мужски расставлены, рот открыт, линия слюны от уголка губ до подбородка. Чтобы так спать надо сильно притомиться. Служанка? Сиделка?

Вид ее вызывал какую-то болезненную жалость. Худая, нескладная. Ресницы длинные, пушистые, отбрасывают тень на розовые щеки. Совсем ребенок. Волосы светлые, но из-за пыли потерявшие свой природный цвет. Отмыть бы ее, одеть нормально. Спящий белокурый ангел.

Хмыкнула еще раз. У страха глаза велики. Отвлеклась обратно на комнату. На столе оплывшая свеча и глиняный графин, надеюсь с водой. Облизываю пересохшие губы. Пить хочется жуть как. М-да, это явно не мой дом, куда же меня занесло? Как-то обстановка не впечатляет. Не больница даже близко. Средневековье какое-то.

Почему-то мысль зародилась именно такая – не домик в глухой деревне, а именно средневековье. Наверное, потому,

что все вокруг очень органично и очень-очень далеко от того мира, к которому я привыкла. А я здесь самый чужеродный элемент. И сразу вспомнились многочисленные романы о попаданках и о перерождении. Ну, ладно, почему бы и нет? Примем за рабочую версию.

Нужно больше информации. Кровати нет, просто лежанка в углу, как для собаки. Постельного белья как такового тоже нет, вместо простыни серая застиранная тряпица. Под ней матрас, набитый травой или соломой, это она мне в бок впивалась. Сверху одеяло такого потрепанного вида, что в голову закралась шальная мысль: а не тот ли это коврик, след от которого на полу виднеется? Вместо подушки валик скрученных тряпок.

А вот себя осматривать уже интереснее. Руки тонкие как птичьи лапки, чистые, без мозолей. Пальцы длинные, но обкусанные ногти их совсем не красят. Ни следа прежнего маникюра, и это ужасно. Хлюпаю носом. Все ерунда и мелочи, а маникюр почему-то жаль.

Волосы на голове пышные, длиннющие, совсем не такие, к которым я привыкла. Прядь каштанового, почти медного оттенка. Рассеяно кручу ее на пальце, красиво блестит. Больше ничего сказать не могу, на чердаке нет даже зеркала. Но пока версия о попаданстве подтверждается.

Осторожно заглянула под одеяло. Ну-у-у, ради этого можно было и переродиться: фигурка стройная, я бы даже сказала худая, лишние килограммы прошлого тела как рукой

сняло. Грудь, конечно, меньше, чем была, но по девичьи высокая, прикрытая простой полотняной рубахой до пят без вышивки. На голое тело, без белья – тут так ходят? Эх, благоухаю я отвратительно, но в целом настроение поползло вверх. Жива, стройна, руки-ноги на месте, с остальным разберемся.

Видимо, я слишком громко возилась на кровати, рассматривая себя и окружающую обстановку. Подняла глаза и встретила взглядом с девчушкой в чепчике. Ярко голубые. Проснулась, значит. Ну, давай знакомиться.

В любой непонятной ситуации лучше всегда больше слушать, чем говорить. Слушать заинтересованно, внимательно, кивая и по возможности поддакивая. Но девчушка молчала, как воды в рот набрала, только смотрела глазами круглыми, и мне пришлось действовать самой. Ох и глазища, кстати! На пол лица блюда. И тревога в них, и настороженность, и вроде даже... радость? Что я все-таки очнулась? Интересно.

– М-м... – Я с усилием махнула в сторону кувшина, облизнулась и тут же прижала руку к губам. Довольно показательный жест, должна понять, что я хочу пить.

Говорить пока не рискнула. Мало ли, вдруг язык другой. Еще решат, что одержима чем-нибудь или еще какая болезнь у меня душевная, так и в неприятности влезть недолго. Вдруг у них тут с этим быстро: заговорила дева болезная на неизвестном языке – хватать ее и на костер сразу. Второй раз за

день умирать что-то не хочется.

Сообразила, молодец. Метнулась к столу и обратно. Одной рукой приподняла мою голову, другой ловко поднесла кувшин к губам, наклоняя так, чтобы было удобно. О стаканах тут видимо не слышали. И откуда столько силы в крошечном теле? Я еще раз внимательно окинула служанку взглядом: длинные жилистые руки, долговязое тело, она сильно сутулилась, чтобы скрыть рост, отчего казалась забитой и неуклюжей. Белокурые локоны растрепались, вид лохматый. В очередной раз захотелось причесать-умыть-привести в порядок. С усмешкой подумалось, что надо было все-таки в прошлой жизни ребенка родить для себя – какие-то странные у меня инстинкты возобладают.

Девушка заметила мое внимание и отступила в сторону, словно бы в тень спряталась, потупила взгляд. Как же мне тебя разговорить? Мне очень нужна информация об этом мире, о бывшей хозяйке этого тела, обо всем!

Я улыбнулась. Хочется верить, что дружелюбно, но вид у меня, должно быть, не очень. Вода принесла облегчение, хотелось закрыть глаза, откинуться назад и дать отдохнуть измученному телу. Я изо всех сил боролась с собой, и, видимо, борьба эта проступила на лице. Служанка набралась смелости и шагнула ко мне. Поправила тряпки за спиной, и вместе с тем легко, но настойчиво подтолкнула меня назад: лежи, мол, отдыхай. И, словно подтверждая мою догадку, сделала несколько пассов рукой.

Стоп, язык жестов? Она что, немая?

Я чуть не застонала от отчаянья. Господи, да что же так не везет!

Единственный человек поблизости и тот не может ничего рассказать. Да уж, с моим невезением глупо было ожидать чего-то другого.

Тем временем девчушка робко улыбнулась в ответ, быстро присела в подобие книксена и, захватив пустой графин, юркнула за дверь, только юбка хвостом колыхнулась.

Глава II, в которой есть над чем подумать

Я прикрыла глаза и задумалась.

Итак, что мы имеем? Видимо, я умерла и переродилась. Или это другой мир, или это другое время моего мира, или вообще какая-нибудь альтернативная реальность. Если, конечно, это все не галлюцинация, и я на самом деле не сижу в палате с мягкими стенами.

Что ж. Если отбросить лишние сантименты и апеллировать к фактам, то расклад не очень. Воспоминаний о «моей» жизни у меня нет. И что прикажете в этой ситуации делать? Топить за потерю памяти? Ох, чувствую, проблем не оберешься. В книгах и фильмах все легко: попаданки залетают либо в знакомый мир, причем зная все события наперед и ловко на этом интригуя. Либо наделяются памятью тела. Тут, вообще – только знай выживай нужную информацию, анализируй и действуй.

У меня же все печально: читала я в последнее время только бизнес-литературу, на художественную – времени не оставалось. Фильмы, а точнее сериалы, попадались в основном про маньяков и психологов, исключительно в современном антураже. Историю со школы помню плохо, так что даже если меня занесло в прошлое – никаких событий в голове не

отложилось. Первый же «информатор» попался немой и помочь ничем не может. Сомневаюсь, что в местной библиотеке найдется книжка «Все обо всем. Энциклопедия мира для попаданок». Да и не факт, что я умею читать на местном языке. Я пока даже в том, что говорить на нем умею, не уверена.

Что имеем в сухом остатке?

С информацией полная жо... Раз нет других источников, будем делать выводы из того, что есть. Я, видимо, не последняя «подай-принеси» в этом мире. По крайней мере, мне так кажется, раз немая девушка мне поклонилась. Значит, мой статус выше, чем ее. Однако, что это за статус такой, если моя комната на чердаке с разбитыми окнами и почти без мебели? Не думаю, что леди спят на матрасах с соломой. Хотя руки вроде без мозолей...

– Сестра!

От размышлений меня отвлек крик и резкий звук распахивающейся двери. Я с перепугу дернулась спрятаться, но на этом богом забытом чердаке даже спрятаться негде! Разве что притвориться ветошью вместо ковра.

– Так это правда!

Я подняла глаза на нарушителя спокойствия. Высокий юноша, на вид лет шестнадцать - семнадцать. Одет неприлично дорого и несколько женственно: на белоснежной рубашке жабо и кружевные манжеты, на укороченных брюках ленты подвязок, чулки белые. Вместо пуговиц драгоценные камни,

по краям камзола вышивка золотой нитью. Волосы такого же медного оттенка, что и мои, тщательно зализаны назад. Не люблю такие прически у мужчин – мне они кажутся неестественными. Дышит прерывно, словно стометровку бежал. В глазах восторг и обожание.

Чудесно. Язык понимаю, родственники не бедные, а жизнь-то налаживается.

– Потрясающе! – Новоявленный брат без всяких церемоний подошел и по-хозяйски схватил мою руку. Я несколько оторопела, но забирать ее не спешила. Все-таки придется разыгрывать сценарий с потерей памяти?

Юноша пытливо всмотрелся в мое растерянное лицо и заулыбался еще сильнее. Вот уж не думала, что кто-то при виде меня способен проявить такую радость. Да он светится от счастья!

– Ничего не помнишь, да? Совсем-совсем? – Что мне остается? Только кивнуть. Догадливый какой. – Да это же просто чудесно!

Не знаю, что такого чудесного в моей потере памяти, но если его это так радует, то пусть.

– Замечательно! – На меня он уже внимания не обращал, явно задумался о чем-то своем, но руку держал крепко. Словно боялся, что сбегу или исчезну. – Каждый раз как с чистого листа. Лучшего я и пожелать не мог...

– Так ты правда жива. – Второй голос, манерный и хрипловатый, принадлежал женщине без возраста. Она остано-

лась в дверном проеме, обмахиваясь веером. Запах духов даже оттуда сбивал с ног – хорошо, что лежу. На лице застыла такая гримаса брезгливости, что меня передернуло, и захотелось отползти как можно дальше, желательно в угол. Весь ее вид – россыпь украшений на пышном платье с глубоким декольте, массивное кольцо на шее, крупные серьги, даже высокая прическа была украшена драгоценностями – в полный голос кричал о роскоши и богатстве. И плохом вкусе.

– И Вы здесь, матушка? – Парень наконец-то отпустил мою руку и обратился к женщине.

– Хотела убедиться лично. Ну, что ж, неплохая новость. Будет толк и от этой замарашки.

Веер с щелчком закрылся, словно подводя итог. Под взглядом черных глаз я съежилась. Хотелось стать невидимой, ну или хотя бы максимально незаметной.

– Распорядись о комнате, и чтобы ее, – взмах веером в мою сторону, – привели в порядок. Я сама напишу письмо. – Смерив меня еще одним уничижительным взглядом, дама резко развернулась и ушла.

Пара секунд, и моя рука снова в плену. Даже, знаете ли, захотелось отнять ее и вытереть чем-нибудь. Мой новоявленный брат совсем не знает: что такое личные границы.

– Матушка уже все просчитала и оценила, да только она не права. Ты не переживай, сестренка, у нас с тобой другие планы. – Неожиданно для меня молодой человек наклонился и поцеловал кончики моих пальцев. Лизнул, фактически. Я

все-таки не выдержала, дернулась, освобождая руку, и отодвигаясь подальше. Что это было сейчас?

Брат улыбнулся, и его улыбка мне совсем не понравилась. Хищная какая-то, оскал, а не улыбка. С предвкушением. Захотелось не просто спрятаться, а бежать. Волосы дыбом встали.

К счастью, молодой человек покинул чердак, перед уходом изобразив шутовской поклон. Я нервно обхватила руками плечи. Какая странная семейка, и мне совсем не хочется быть ее частью.

Когда дверь снова приоткрылась, я даже задержала дыхание. Кого еще нелегкая принесла? Но это оказалась немая служанка. Ей я обрадовалась. Знакомое, уже фактически родное лицо. Жестами девушка показала вставать и двигаться следом. Я спешно поднялась, неловко кутаясь в одеяло, будто в кокон. Остаться в одной рубашке не хотелось. Вместе мы покинули чердак.

Шли молча, я крутила головой как маятник, пытаюсь рассмотреть обстановку. Поместье (в котором мы, по всей видимости, находились) имело два или более крыла и какую-то замысловатую геометрическую форму с множеством коридоров. Мы спустились, прошли сквозь несколько нежилых запущенных помещений, потом снова спустились, но уже по ухоженной лестнице, чьи ступени были устланы ковровой дорожкой, и снова попали в коридор комнат.

Со стен на меня косились портреты суровых мужчин и на-

рядных женщин в тяжелых рамах, щерилось шипастое оружие различных форм и размеров и вычурные канделябры. Красиво, только пыльно, словно здесь давно никто не бывал. Апчхи!

Когда служанка резко остановилась, я чуть не налетела на нее от неожиданности. По задумчивой мордашке девушки поняла, что она тоже не часто здесь бывает. Мне показалось, она считает комнаты. Кивнув самой себе: так, что чепец снова съехал набок, она подошла к ближайшей двери и зазвенела связкой ключей, пытаясь отыскать нужный. Пока она силилась открыть замок, я еще раз огляделась вокруг.

Даже за время этого недолгого путешествия я смогла оценить разрыв между прошлым положением и текущим. Да-а-а, это не заброшенный чердак. Здесь каждая вещь, каждый предмет мебели говорит о достатке хозяев. Пользуясь заминкой, я подошла к окну, выглянула наружу, пытаясь разглядеть обстановку через пыльное стекло.

Все-таки я не в замке, жаль. Никаких тебе средневековых башен и рвов, заполненных водой. Наоборот, перед домом тщательно ухоженный сад со множеством тропинок. Зеленая трава подстрижена, кусты разных цветов, смешные шапки деревьев. О газонокосилках, подозреваю, здесь слыхом не слыхивали. Если такая красота наведена руками, то возились с ней не один десяток садовников.

Ключ в двери провернулся, и я поспешила вернуться к служанке.

Моим новым убежищем стали светлые гостевые покои. Ну, я так думаю, что гостевые, раз в них никто не жил до меня. Две комнаты, небольшие, но вполне уютные, и даже отдельная ванная. Стены обиты тканью в неброский голубой цветочек, мебель из светлого дерева покрыта лаком и орнаментом. Высокие окна открыты настежь. В воздухе еще летает теплая пыль от сдернутых чехлов, но мягкий летний ветерок весело гуляет по комнатам, выгоняя затхлый воздух нежилого помещения. Кто-то уже был здесь и срочно наводил порядок. Определенно, здесь мне нравится больше.

Следуя подсказкам и жестам служанки, я прошла в ванную комнату. Здесь все было готово к моему приходу – шустро сработано. Тронула рукой воду: теплая, парная. И быстрым движением скинула потертое одеяло и пропотевшую рубаху на пол, с удовольствием, едва ли не со стоном погружаясь в воду. Боже, хорошо-то как!

– Что? – Подняла глаза на девушку, которая застыла, смущенно отводя глаза. Чего это она? Едва удержалась, чтобы не брызнуть водой в ее сторону. Блин, я взрослая тетка сорока лет, но с момента как попала в этот мир и в это тело – так и хочется творить какие-то глупости: брызгаться, скакать, кружиться. Легкость тела требовала движений.

Девушка, стараясь не смотреть в мою сторону, намылила какую-то тряпку на манер мочалки и прошлась по моим рукам, плечам, спине. Я послушно вытащила из воды ноги – вначале одну, потом вторую. Помыться я могла бы и сама,

но если этого требуют правила этикета, то глупо сопротивляться. Хотя, странно, мне показалось, что-то подобное служанка делает впервые. Она покраснела как помидор, а рука, проводившая по моей ноге мочалкой, дрогнула. Когда же я поднялась, давая ей возможность намылить части тела, ранее скрытые под водой, она тихо ойкнула, согнулась и выбежала из ванной.

Мне послышалось? Она же вроде немая, нет?

Домывалась самостоятельно, с удовольствием соскребая с тела следы недавней болячки. Когда закончила, растерянно посмотрела по сторонам и нашла заранее приготовленную одежду – белую ночную рубашку свободного кроя с тонкой вышивкой и халат, в который с удовольствием запахнулась. Отлично, словно заново родилась. Хотя, по сути, так оно и есть.

Протерла ладонью запотевшее зеркало и настороженно всмотрелась в свое отражение.

М-да, детей здесь явно не кормят как должно. На вид мне лет шестнадцать, а может и меньше. Глаза испуганные, большие, карие. Худая, какая-то изможденная, но если привести в порядок – то очень даже ничего. Нос маленький, губы пухлые. Копна волос стоит торчком в разные стороны, надо будет этим заняться в первую очередь.

Как могла пальцами причесалась, заскользила взглядом по всем горизонтальным поверхностям. Мне бы расческу.

В спальне никого не оказалось. В гостиной тоже, но на сто-

лике перед глубоким диваном был оставлен поднос с фруктами и закусками, похожими на бутерброды. По вкусу – паштет. Разумно размышляя, что не на другую же планету меня занесло, а значит местная пища мне вполне подходит, я с радостью накинулась на еду. Умяла все моментально, запила сладковатым морсом из кувшина. Так-с, теперь отдыхать и восстанавливать силы. Обо всем подумаю завтра.

Вернулась в спальню и проворно забралась под одеяло, вдыхая запах свежих простыней. Не знаю, что именно от меня хотят, кто все эти люди, но, очевидно, опасность не грозит. Кормят, поят, одевают, на улицу не гонят. А значит: можно расслабиться и отдохнуть.

Устала. Не каждый день умираешь и перерождаешься, все-таки. Про желание расчесаться забыла напрочь. Последней мыслью, прежде чем скользнуть в глубокий сон, было, что проснусь с вороньим гнездом на голове. Но поздно, веки сомкнулись.

Глава III, в которой многое становится ясным

Сон мне приснился очень странный. В нем я видела девушку – ту самую, из зеркала. Вот только выражение лица у нее было вовсе не напуганное, а скорее до крайности довольное. Как мордаха Тимофея после сметаны. Девушка ходила по моей квартире, осматривала предметы мебели, залезала в ящики. Пару раз роняла что-то, брала книги с полки, спотыкалась о провода компьютера, но довольно смеялась.

На меня она не смотрела. То ли не видела, то ли сознательно игнорировала. После очередного падения дорогой сердцу безделушки я невольно шикнула на ее рукожопство, и она удивленно вздрогнула. Закрутилась, вглядываясь по сторонам, прислушиваясь. В воздухе запахло лимонной вербеной. Видение колыхнулось белесой дымкой и пропало.

Я открыла глаза и с неким удовлетворением убедилась, что по-прежнему нахожусь в новом для себя мире, в новом теле и новых обстоятельствах. Так-с. Ну, что ж, значит перерождение случилось, мне с этим дальше жить.

Села, откинув одеяло, опустила ноги на пол и осмотрелась. По сравнению с чердаком, конечно, небо и земля. На ложе даже есть основа под балдахин – резные деревянные столбы, служащие ножками кровати: наверху сколочены в

раму, правда сама ткань отсутствовала. Видимо ее сняли на то время, пока комнаты никто не занимал, да так и не повесили обратно. Туалетный столик у окна заодно выполнял роль секретера – я нашла в его ящиках бумагу и чуть подсохшие чернила. Как писать пером даже не представляю. Попробовала, только бумагу порвала.

Штор на окнах тоже не было. За окном пасмурно, и совершенно непонятно сколько времени. Засыпала я когда светило солнце. То ли вчерашний день закончился, то ли нет. Сейчас утро? Вечер?

Кстати, если сон не врет, мы махнулись мирами и сейчас где-то Новая-Я разбирается в особенностях техногенной вселенной. Ох и нелегко ей будет. Начиная с документов и заканчивая выходом на работу после праздников.

Странно, что она в своем теле, а мое тогда где? На кладбище? Непонятно это все. «Впрочем, не забивай этим голову», – одернула я себя, – «У тебя что, у самой проблем мало?». Первостепенная задача разобраться с тем, что ты имеешь здесь. А сны иногда просто сны.

Наверное, надо позвать служанку? Я хочу умыться после сна и совершенно беспомощна, так как похоже здесь воду приносят и нагревают вручную, без всяких водопроводов. Хочется пить и немного есть. Вот от чего я бы точно не отказалась сейчас, так это от кофе! Но, возможно, его даже нет в этом мире.

Переступая некоторую неловкость, я потянула за шнурок

звонка. Эх, все-таки не привычная я к слугам, нет во мне и капли аристократической неги и лености, чтобы все делали за тебя. Да и предыдущую хозяйку этого тела похоже раньше не баловали. Что же изменилось?

А ведь я даже не знаю: как теперь меня зовут!

Почему-то именно эта информация стала для меня важной настолько, что вытеснила все мысли из головы. Я так глубоко задумалась, что совершенно растерялась, когда вместе с уже привычной служанкой в спальню вошел незнакомый мужчина. Э-э-э, я тут, простите, в неглиже, непричесанная, не умытая, на кровати сижу. Это вообще нормально?

– Добрый вечер, достопочтенная леди Нейлбрант. Я доктор Леви. – Он низко, тяжело поклонился и тут же аккуратным жестом остановил мои попытки встать с кровати и проявить ответные признаки этикета. – Нет-нет, пожалуйста, присядьте. Мне необходимо Вас осмотреть по просьбе Ее светлости, Вашей матушки. После тяжелой... кхм... болезни, ну Вы сами понимаете, хотелось бы удостовериться, что все в порядке.

Я выдохнула и приветливо улыбнулась этому полному смешному человеку. Вот он! Мой источник информации! Да я за пару его фраз узнала больше, чем за все время до этого. Ни за что теперь не упущу, расспрошу все-все!

Доктор обладал совершенно обезоруживающей внешностью: полными щеками, смешной топорщащейся бородкой, лысиной, прикрытой редкими седыми волосами, крупным

носом и растопыренными мясистыми ушами. Из-за которых походил на гундосящего слоника из мультика про 38 попугаев. Одет он был в шерстяной сюртук не по погоде и укороченные брюки с подвязками из грубой темной ткани. Лацканы засаленные, запонки и пуговицы обычные, без украшений, на жилетке цепочка карманных часов. Не очень много информации, но выводы сделать можно.

Во-первых, у них тут такая нелепая мода. Кажется, такие брюки называются кюлоты. Во-вторых, врач скорее всего не женат и довольно рассеян. Ни одна женщина не позволила бы своему мужчине ходить в таком, несколько потрепанном виде. В-третьих, или он приглашенный доктор со стороны, или моя матушка в некоторых вопросах все же прижимиста и экономит на оплате семейному врачу. Второе более вероятно.

Впрочем, в его компетенции я не сомневалась. Довольно привычным жестом доктор Леви взял меня за руку, посчитал пульс, осмотрел глаза, уши, горло, постучал по коленям, покрутил в разные стороны. В общем, провел первичный осмотр весьма профессионально и быстро.

За его спиной, привычно сутулясь и почему-то пряча от меня глаза, служанка суежилась по хозяйству: таскала воду в ванную комнату, какие-то полотенца, платья, стучала посудой в соседней гостиной. В общем, от сердца у меня заметно отлегло – видимо, будет и умывание, и завтрак. Или уже ужин?

– Доктор, что со мной было? – Задала я нейтральный вопрос, ожидая обычного медицинского объяснения, в духе «Вы простудились», и по глазам лопухого толстячка поняла, что именно этого как раз спрашивать не стоило. В его взгляде мелькнул такой страх, что я прикусила губу, чуть не застонав от отчаянья. Не хватало еще спугнуть мой источник информации. Ну же, спроси еще что-нибудь! – Это нормально, что я ничего не помню?

– Да, distinguished lady Нейлбрант. Это вполне нормальная реакция на Вашу... кхм... особенность.

– Особенность?

– Я не совсем уверен, что должен вводить Вас в курс дела... В смысле именно я... – Толстячок нервно сцепил руки, поглядывая в сторону двери, и я поняла, что вот-вот его потеряю. Надо поменять тактику.

– Дооооктор Леви! – Я максимально выделила «доктооор», произнося его протяжно и повышая голос. Выпрямила спину, подняла подбородок. На мой изменившийся тон среагировала даже служанка: она замерла на месте, сжалась в комок и словно убавила в росте еще сантиметров десять. Доктор же застыл в полусогнутом состоянии, в котором он находился в этот момент, да так и не решился разогнуться. – Ответьте на несколько моих вопросов и будьте свободны. Мое полное имя? Статус?

– Distinguished lady София Нейлбрант, незаконнорожденная дочь Его Светлости, барона Нейлбранта. – Он помял-

ся, под моим пристальным взглядом и продолжил, – Второго имени нет, в списках не значится. До сегодняшнего дня считалось, что родовой магией Вы не обладаете.

– А теперь? – Я удивленно подняла бровь. Внутри же все возликовало. Магия! В этом мире есть магия! Юху-у-у!

– После Вашего воскрешения, я думаю, ни у кого не осталось сомнений, что родовую магию Вы унаследовали... кхм... по отцовской линии. Ее занесут в списки, думаю, Ее Светлость... Ваша матушка сегодня же отправит письмо в канцелярию. – Доктор тяжело вздохнул. – С моим подтверждением и прошлым заключением о смерти.

– Что это значит для меня? – Я решилась задать вопрос, который больше всего волновал меня здесь и сейчас. И ответ мне совершенно не понравился.

Доктор уже ушел, а я все продолжала сидеть и переваривать информацию. За каждым его словом, интонацией, жестом, вздохом скрывалось что-то важное, о чем он не хотел или не мог говорить.

Итак, подведем итоги. Я вчера умерла, это подтверждено и задокументировано. Точнее не я, а бывшая хозяйка этого тела. А затем воскресла, вот только на сей раз – я. Со стороны наблюдателя получился процесс смерти-воскрешения. На самом деле все не так – мы обменялись душами. Знать об этом, конечно же, никому не следует.

Из сбивчивых и торопливых объяснений доктора стало

понятно, что магия в этом мире – лучшее приданое для аристократки. У девушки, обладающей полезным магическим даром, есть все шансы составить удачную партию, ведь магия наследуется наравне с титулом или родовым именем. Однако, тут по-разному, как повезет. Не все навыки котировались, над какими-то даже смеялись, да и разглашать какой именно магией обладает тот или иной аристократ считалось дурным тоном.

При проявлении магических способностей дворяне обязаны отослать письмо в некую канцелярию, поставив тем самым в известность Его Величество. Маг заносится в специальный список и нарекается вторым именем, что-то вроде дополнительного опознавательного знака для магов. Знак качества, можно сказать.

Если я правильно поняла, любой потомок аристократа мог унаследовать ту же магию, что у отца или матери, в редких случаях обе, или даже иногда всплывало что-то от более ранних предков. Магических дар довольно скоро проявлял себя. Чаще уже в первые года жизни и всегда до совершеннолетия.

Мне повезло и не повезло одновременно. Не знаю с кем и когда нагулял меня отец, вот только в один прекрасный день ребенок оказался на пороге имения. Можно сказать, ко мне отнеслись даже милосердно. Не выгнали, приютили, вырастили, а когда подросла дали легкую работу по дому с условием как можно реже попадаться на глаза хозяйке.

Проходило время, магия никак не проявляла себя, и, ко-

гда баронесса Нейлбрант случайно вспоминала и справлялась обо мне, то все больше убеждалась, что «мы зря кормим лишний рот», что я «никто и зовут меня никак».

К слову, я София. Леди София Нейлбрант. И моя история могла бы закончиться как сказка о Золушке с плохим концом. Потому что в какой-то момент я умерла.

Странно, что меня еще раньше не выкинули на улицу. Барон постоянно занят при дворе, крайне редко приезжает в поместье, он бы даже не узнал. Со слов доктора я внезапно заболела и слегла. Не понимаю зачем матушке травить меня именно сейчас, спустя столько лет? А в то, что все произошло по естественным причинам, я не верила совершенно. Уж слишком боялся доктор вопросов о моем состоянии и неудобных ответов на них.

Матушка. Могу ли я ее так называть? Или к ней надо обращаться Ваша Светлость? Как делают остальные слуги.

А ведь еще есть брат. Законнорождённый наследник барона Нейлбранта. Достопочтенный лорд Оскар Нейлбрант. Мы с ним одного возраста, и это пикантное обстоятельство особенно раздражает госпожу баронессу. Как женщина я ее прекрасно понимаю. Должно быть неприятно осознавать, что, пока ты носила под сердцем дитя и строила радужные планы, твой муж ходил налево. Козел мой достопочтенный папаша.

От тяжелых мыслей меня отвлекла служанка. Не имея возможности позвать, она робко подергала за рукав. Я в задумчивости подняла глаза. Вот у кого все просто и понятно,

а кто я?

«Воскрешение» подтвердило магический дар, теперь от меня не отмахнутся, нет. Теперь я ценный ресурс, который можно выгодно продать. Тому, кто захочет, чтобы его дети, если повезет, были бессмертными. От этой мысли стало не по себе. Холодок пробежал вдоль позвоночника. Есть такое выражение: «Кто-то стоит на моей могиле», – теперь я поняла, как себя ощущает человек, испытывающий что-то подобное.

– Как же я тебе завидую. – Шепчу, глядя в голубые, как ясное небо, глаза. На ангельском лице служанки проступает удивление. – Как тебя зовут?

Растерянность. Потом неловкий жест в сторону окна. Там, прямо под окном, растет какое-то дерево, но я не сильна в дендрологии.

– А написать можешь?

Честно признаться, я не ожидала, что она кивнет положительно. Много ли слуг, обученных грамоте? Хотя, откуда мне знать? Правда, заняло это больше времени, чем я рассчитывала. Я успела умыться и даже поесть, пока служанка старательно выводила, как оказалось, всего две буквы на бумаге. Ее звали Ив.

Еще одна хорошая новость – я могу читать. Буквы странные, витые, но, если на них смотреть пристально – понимаешь смысл. А вот написать что-то сама, наверное, не смогу. Как собака, все понимаю, но не говорю, обидно.

В дверь постучали. Ив как ветром сдуло – была и уже нет, только юбка колыхнулась. А меня ждало очередное «приятное» знакомство. Женщина на пороге комнаты так сильно напомнила начальницу из прошлого «моего» мира, что я сглотнула и зажмурилась. Открыла глаза – ничего не изменилось, а жаль. В воздухе запахло крупными неприятностями и резкими духами. Я нервно сглотнула еще раз.

И голос у нее оказался такой же противный.

– Добрый вечер, достопочтенная леди Нейлбрант. Я – госпожа Вайолетт, с сегодняшнего дня ваша наставница и компаньонка. – Женщина описала круг по комнате, невольно заставив меня вспомнить видеорепортаж про акул на Discovery. Они примерно такие же круги нарезают вокруг своей жертвы. – Раз уж так сложились обстоятельства, я научу вас как следует вести себя в высшем обществе.

Наглухо запакованная в темное платье с корсетом и воротником-стойкой, госпожа Вайолетт держала спину прямо, голову высоко поднятой, и я за секунды осознала, что дальнейшая моя жизнь превратится в настоящий ад. Каким бы ни было это «высшее общество», я что-то совсем туда не хочу. Но кто бы меня спрашивал.

Глава IV, в которой София перебирает варианты

– Раз. Два. Три. Плие. Раз. Два. Три. Плие! – Голос госпожи Вайолетт звучит в ушах, как бесконечный метроном. Она помогает отстукивать ритм деревянной указкой, которая, как оказалось, вполне себе заменяет розги. Пришлось уже познакомиться.

Танец похож на вальс и танго одновременно. В прошлой жизни я не страдала неуклюжестью, но в нашем мире проще. Если тебя пригласили на медленный танец, можно просто потоптаться на месте под музыку. Здесь, понимаю, такой номер не пройдет. Я едва поспеваю за размашистыми шагами офицера. Огромный, он весь как скала, как глыба. Айсберг, который плывет по течению и чихать хотел на меня и мои движения. На поворотах обе ноги отрываются от пола, и я безвольно лечу, следуя его воле.

Чтобы шаги получались маленькими и грациозными, на мне платье с максимально узким подолом и туфли на высокоточенных каблуках. Еще бы на ходули поставили и заставили приседать!

Холодные рыбы глаза госпожи Вайолетт следят за каждым движением. Она щелкает языком при ошибках и заставляет повторять раз за разом одно и то же. А я считаю минуты

до конца экзекуции и мечтаю тихо-мирно умереть в уголке.

Не знаю даже как зовут офицера, который ведет в танце, он из охраны поместья. У него тяжелый квадратный подбородок, щетина и каменное лицо. Попыталась проявить учтивость при знакомстве, но меня проигнорировали. По сути, он просто манекен для тренировки. Себя чувствую таким же манекеном, с деревянными руками – ногами и абсолютно пустой головой, в которую госпожа Вайолетт пытается вбить то, чему местных аристократов учат с пеленок. Как стоять, как ходить, как и куда смотреть, говорить, даже как дышать.

Но есть и хорошие новости. Их мало, но сознание цепляется за них как за спасательный круг. Мне надо продержаться один, максимум два вечера. Никто не ждет, что за пару дней я стану светской львицей, главное совсем уж не опростоволоситься. Так как дебюта как такового у меня не было и не планировалось, матушка выведет меня в свет, покажет «покупателям», дождется предложений и выберет самое выгодное. Уж по каким критериям, не знаю.

Танцевать без остановки не обязательно, достаточно пережить хотя бы один танец и не отдавить ноги несчастному партнеру. Остальным можно отказать, сославшись на усталость. Ведь обо мне до этого вообще никто не знал. А значит, что? Правильно, дочь болезная, слабая, прятали от всего мира для ее же блага. Не будет же достойная баронесса признаваться, что я не родной ребенок, и вообще потравить меня хотела. Обижаться на отказ не принято, так что выды-

хаем, а второй раз приглашать, возможно, никто не будет.

Танец тоже не обязательно танцевать до конца. В любой момент можно шепнуть кавалеру: «Извините», – и прервать пытку. Об этом госпожа Вайолетт рассказала по секрету и посмотрела так, что стало понятно – лучше этого не делать без веских причин. Интересно, оттоптаннные ноги кавалера – это веская причина, или еще нет?

Если все пойдет по плану, то первый выход через два дня. Баронесса решила дать прием по какому-то надуманному случаю, сейчас составляют списки приглашенных, и полным ходом идет подготовка. Выписанная из города модистка заверила, что мне и достопочтенной баронессе как раз успеют сшить новые наряды. Я даже краем глаза не успела оценить покррой или цвет тканей. Как и в танце, меня просто покрутили на месте, сняли мерки и выпроводили восвояси. Послушная кукла – вот я кто. Целый день двигаюсь, кланяюсь, шагаю и улыбаюсь как говорят. И только ночью, когда время механического завода заканчивается, терзаю бедную подушку, вымещая стресс.

Слез не было, только злость на свое бессилие. В прошлой жизни, какой бы неудачной она ни была, я все-таки могла решать сама. Ходить или не ходить на свидания (если приглашают, конечно). Учиться дальше, делать карьеру или сосредоточиться на поисках того-самого-суженного, чтобы создать крепкую ячейку общества. Пусть ошибочные, но это были мои решения!

Здесь же моего мнения никому и в голову не придет спросить. Была никем – брошенкой, лишним ртом, живущим на чердаке. Стала выгодным товаром, который предлагается на рынке невест по бросовой цене. Я так понимаю, товаром редким, если не уникальным. Потому что (пусть никто об этом прямо не говорил) магией возрождения не владели ни барон, ни матушка, ни почтенный брат. Их особенности для меня остались тайной за семью печатями, но из случайных оговорок доктора Леви и госпожи Вайолетт поняла, что проклянулось что-то из совсем древних предков. Не то чтобы я не хотела замуж, но...

Не оставляет шальная мысль, что, если потенциальному жениху решат продемонстрировать товар во всей красе, я просто умру, и на этот раз, боюсь, окончательно. То-то шуму будет.

Поэтому в голове все отчетливее зреет план побега. А какие еще варианты? Убежать до приема не представляется возможным – днем я ни на минуту не предоставлена себе. Постоянная учеба, этикет, танцы, примерки. Кто-то всегда рядом. Госпожа Вайолетт следит как коршун. Попробовать ночью?

Я осторожно выскользнула из комнаты и прислушалась. Самое темное время суток: примерно 3-4 часа ночи, если судить по распорядку дня и звездам за окном. Поместье крепко спало. Его Светлости уже улеглись, а слуги еще не поднялись. Если делать вылазку, то сейчас. Конечно, бежать с

пустыми руками, не имея провизии, подходящей обуви для дальнего пешего перехода, хоть каких-то денег и совершенно без представления о мире за пределами поместья – настоящее самоубийство. Приплюсуем сюда отсутствие магии, топографический кретинизм из прошлой жизни и тот факт, что меня, очевидно, будут искать. По итогу имеем что имеем.

В прошлой жизни я была поклонницей системы. Любого, даже огромного и неподъемного слона разбирала на мелких лягушек и поэтапно решала поставленные задачи. Поэтому сейчас предпочла не говорить: «Это невозможно», – а идти к цели шаг за шагом. Надо осмотреться. Надо найти еду, что-то ценное и выход из бесконечных коридоров. Если жизнь не подкидывает возможности, надо искать их самой. Не обязательно бежать сегодня, хотя времени в обрез.

Внешний вид тот еще. На мне плотное домашнее платье, одно из немногих без сложной системы корсетов и завязок, в которое я смогла влезть сама без помощи Ив. Удачно, что оно темно голубой расцветки, не так заметно в темноте. Самый большой минус местной моды – отсутствие карманов. То ли их никто еще не изобрел, то ли нужды в них не было.

На ногах теплые чулки. Вид у них заштопанный и непрезентабельный, однако в них тепло босиком – раз, можно прокрасться по коридору бесшумно – два. Не на каблуках же мне рассекать? Волосы заплетены в тугую косу и подхвачены обычной ниткой. Как я понимаю, завязываться лентами

нельзя – никто из служанок их не носит. Если меня увидят в подобном наряде за пределами поместья – наверное примут за обычную крестьянскую девушку (я надеюсь, но это не точно). Если увидят раньше – быть беде.

Осторожно крадусь вдоль стены. Глаза постепенно привыкают к полумраку коридора и начинают различать объекты. Аккуратно огибаю консольный столик с цветочной вазой. Напоминаю себе, что сегодня – только разведка, никакого риска и поспешных решений.

Массивная дверь в конце коридора скрипит, но приоткрывается. Спускаюсь по лестнице, придерживаясь за перила. Часто останавливаюсь и замираю от любого шороха. Очень мешает длинный подол юбки, я в таких ходить не привыкла, поэтому в какой-то момент просто подвязываю его узлом выше колен. Далеко внизу, этаже на первом (а я на третьем, кажется) рассеянный источник света – видимо, оставлена лампа или не задута свеча. По логике мне именно туда – где-то на первом этаже должны быть и выход, и кухня. Правда, если искать что-то ценное, то надо идти в сторону покоев достопочтенной баронессы, где бы они ни были, однако это самая рискованная часть вылазки. Пропажу драгоценностей могут сразу заметить, устроить обыски и перетряхнуть всё поместье вверх дном. Если что-то прихватизировать, то в самый последний момент перед побегом.

На этом этапе плана совесть всегда встает и начинает возмущаться, но я шикаю на нее. В оправдание будущему по-

ступку каждый раз привожу доводы: «у баронессы не забудет», «это компенсация за издевательство над ребенком». Не очень помогает, но хоть что-то. В конце концов, я ведь еще ничего не украла, верно?

Когда буквально в паре метров от меня раздаются шаги, я замираю и вжимаюсь в стену. Пытаюсь понять откуда звук и в какую сторону бежать. Сердце сбивчиво стучит в ушах, сливаясь со звуком шагов. Тук-тук-тук. Дробный перестук гулко отражается от стен. Колени дрожат и подгибаются. Если меня заметят... Если найдут...

Наконец понимаю направление звука. По коридору второго этажа к лестнице кто-то идет неверной походкой. Начинаю медленно отползать назад, прижимаясь к стене. Во время. Светлое пятно накрывает то место, где я только что пряталась, скользит в сантиметрах от спасительной тени, застывает и движется вниз по лестнице. Пламя свечи дрожит, шурю, стараясь рассмотреть кого там нелегкая принесла. Молодой человек, в котором я с удивлением узнаю сводного брата, невообразимо пьян. Одной рукой он едва держится за стену. Другой пытается удержать трезубец подсвечника с единственной зажженной свечой. Воск капает на халат, на половицы. Домашний тапок соскальзывает с его ноги и едет по ступенькам. Оскар чертыхается, пытается его достать, но едва не летит кубарем вслед за ним. Куда это он посреди ночи? Полуночный перекус?

Еще в прошлой жизни я заметила, что мне не везет. Ни-

когда в лотереи не выигрывала и призов не получала. Но иногда, все-таки, ангел хранитель вспоминает про мое существование и шлет небольшие подсказки. Вот и сейчас, когда я уже хотела было тронуться вслед за братцем, придерживаясь тени, и посмотреть: куда это он направился, за секунду до движения словно кто-то шепнул в ухо: «Стоять!». Я замерла. А в следующий момент чья-то тень прошла так близко, что забыла как дышать. Моргнула раз, другой, понимая, что кто-то следит за молодым бароном. Кто-то прячется в темноте, желая остаться незамеченным. Совсем как я.

Напрягаю глаза, до рези всматриваясь в темноту. Фигура преследователя невысокая, худая. Двигается осторожно, держится правой стороны. Не знаю какая муха меня укусила, но ситуация выглядит так сюрреалистично, что я забываю об осторожности и двигаюсь следом. Мы так близко, что, если сейчас преследователь повернет назад, столкнемся нос к носу.

Оскар тем временем кое как дополз до основания лестницы и повернул направо, с грохотом и неразборчивой бранью преодолел столовую и свернул в левый проход. Я, как могла, рисовала в голове карту дома. Направо от столовой, судя по запахам – кухня и далее, наверное, чулан с продуктами. Слева оказалась неприметная дверь, закрытая на мощный засов. Должно быть, «черновой» вход для слуг. А дальше коридор и вовсе вильнул так, что я потеряла из виду и братца, и его преследователя. Заглянула осторожно за угол, и только и успела

заметить, как мелькнула свеча, освещающая стены небольшого кабинета, заставленного массивными книжными шкафами. Дверь закрылась, я осталась стоять в темноте коридора, гадая, заскочил неизвестный вслед за молодым бароном или находится рядом, затаился в полуметре от меня? За дверью раздались тихие щелчки и послышался протяжный скрип. По ногам мазнуло холодным воздухом.

В любом случае мне пора убираться отсюда. Хоть что-то полезное я сегодня узнала: есть выход для слуг, через него можно незаметно выбраться наружу, прихватив съестные запасы. Какое-то странное и нелогичное расположение кабинета, впрочем, наверное, в этом есть причина. Если хозяин хочет обсудить дела с гостями, которые стараются не афишировать свое появление, то лучшего места не сыскать. Что тут ночью делает братец? Ой, да кто ж его знает. Может у него там выпивка припрятана. В его возрасте наседать на спиртное? Осуждаю.

Медленно пячусь обратно в столовую, стараясь не шуметь. Огибаю перевернутый братцем стул. Скольжу по паркету в полусогнутом состоянии. Достигнув лестницы, ускоряюсь, на четвереньках по-собачьи что есть сил взлетаю наверх. На сегодня хватит разведки, меня чуть не поймали. Что делать с полученными сведениями придумаю завтра. Надо постараться выспаться, завтра очередной тяжелый день.

Глава V, в которой для Софии все меняется

Ив разбудила меня рано утром. Гораздо раньше, чем я сама рассчитывала проснуться, особенно после ночной вылазки. Девчужке даже несколько раз пришлось трясти меня за плечо. В комнате было светло, однако я была уверена, что еще слишком рано для подъема.

– М-м-м... К чему такая спешка, а? – Зеваю, топаю умыться вслед за ней. Вопрос риторический, все равно не понимаю: что она мне показывает. Когда глаза окончательно открываются, начинаю замечать ее волнение и чересчур резкие движения. Видимо, что-то действительно случилось. – Эй, что за переполох? Что ты пытаешься мне сказать? Мы опаздываем? Куда?

Служанка и впрямь бежит по комнате, словно ужаленная. Ее пантомимы становятся вовсе неразборчивыми. Она рассеянно закусывает губу, машет обреченно рукой, понимая, что объяснить все равно не получится. И начинает стягивать с меня ночную рубашку и срочно упаковывать в одно из платьев. Очень сложный процесс, кстати. Даже ее лицо и уши покраснелись.

Через минуту ловкие пальчики Ив уже затягивают корсет на моей, и без того тонкой, талии. Когда мы «разговарива-

ем», она отвлекается и делает все легко, без усилий. Но, стоит мне замолчать, как между нами повисает странная пустота, и в ней мы обе начинаем чувствовать себя неловко. Ладно я – очевидно в новинку, что меня одевают, моют, обслуживают. Чужое вмешательство – это дело привычки, должно быть. Со временем перестаешь обращать внимание. Но и у девушки какие-то комплексы. Будто каждое прикосновение ко мне – переход некой интимной грани. Вот и сейчас, едва касается моей кожи, а дышит так прерывисто.

Наверное, она крайне стеснительная от природы. Ну, правильно, кого еще могли дать в услужение внебрачной дочери барона? Только неумелую немую служанку, бракованный материал. Возможно, она в поместье совсем недавно или раньше была какой-нибудь черновой рабочей? Мыла себе спокойно посуду, и тут бац! Приходится меня одевать и причесывать. Может, мы раньше подругами были? Ну, до, скажем так, всех событий. Вот ей сейчас и неловко.

Я ненадолго отключилась, погруженная в мысли. А когда очнулась, уже была готова к выходу «в люди» – платье на выход, перчатки, обувь, прическа. В зеркале отражалась юная леди София Нейлбрант в, можно сказать, улучшенной версии. Интересно, что же все-таки произошло, что потребовалась такая перемена?

Ив уже тянула меня к двери, нетерпеливо отстукивая пяткой по паркету. Да иду я иду. Следуя за нервной служанкой, в довольно бодром темпе преодолела коридор и направилась

по лестнице (неожиданно!) на второй этаж. Что тут может располагаться? Судя по дорогим коврам, изысканной мебели и вычурным статуям, видимо покои достопочтенной баронессы.

Именно сюда я хотела проникнуть перед самым побегом. Мой личный Форт-Нокс, куда и не надеялась забраться, а теперь нате, пожалуйста – я тут на разведке, да еще и по благопристойной причине. Судя по примерному плану поместья в моей голове, личные покои достопочтенные баронессы занимали все правое крыло второго этажа. Пройдя несколько относительно пустых комнат (лишь вазоны с цветами по углам и картины на стенах), чье назначение осталось неведомым, одну музыкальную комнату (в центре ярко освещенной залы стоял белоснежный рояль), мы оказались в небольшой светлой гостиной. По центру кругом располагалось несколько диванов, усыпанных яркими подушками, а между ними резные столики с сервировкой и закусками. Чайная комната или комната для приема гостей?

В воздухе пахло свежей выпечкой и чем-то цветочным. Я шагнула вперед, Ив предусмотрительно осталась в коридоре. На одном из диванов восседала достопочтенная баронесса. Вид у нее был торжественный и вместе с тем слегка взволнованный. Постыдно небольшое количество украшений на ее платье и волосах объяснялось исключительно ранним временем визита гостя, не иначе.

Он сидел напротив дверного проема. Немолодой, гладко

выбранный мужчина. За долю секунды взгляда, которая была мне позволительна, удалось ухватить сразу несколько деталей: дорогой и вместе с тем строгий костюм, не кюлоты, а брюки, и начищенные до блеска сапоги. Военная выправка, седина в волосах, располагающие приятные черты лица. Его же цепкий взгляд изучал меня куда дольше, я чувствовала его буквально кожей. Думаю, от его взора не укрылась и моя бледность, и худоба, и сонные синяки под глазами. Оценивающий взгляд пробежался и по наряду, словно отмечая отсутствие драгоценностей и украшений. Думаю, всего пара секунд, и он уже сделал какие-то выводы.

– Вы звали, матушка. – Я присела в глубоком реверансе, как учили. Подбородок высоко, глаза опущены, ресницы порхают как бабочки. Госпожа Вайолетт осталась бы довольной.

– О, София, моя дорогая, а вот и ты. – Елейный голос достопочтенной баронессы заполнил комнату. Я была права, этот военный какая-то большая шишка, и прибыл он неспроста, иначе матушка так себя бы не повела. – Прости, милая, что пришлось разбудить тебя так рано, надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь? Присаживайся.

Разыгранная сцена заботы о моем здоровье была основой спектакля, который нам придется сыграть еще не раз. Легенда, выбранная для меня, гласила, что достопочтенная леди София Нейлбрант крайне болезненная особа, именно по этой причине не выходила ранее в свет и не дебютировала

в высшем обществе в четырнадцать, как это было принято при дворе. «Родители» боялись сглазить бедняжку, именно поэтому не вспоминали лишний раз о ее существовании, не упоминали в семейном реестре и, вообще, были готовы полностью положиться на семейного доктора, который решил, что только полная изоляция, отдых и покой способны продлить жизнь достойной леди. Но, к сожалению, даже столь жесткий контроль со стороны семейного врача и домочадцев помог лишь оттянуть факт гибели. Костлявая все равно протянула к девушке цепкие пальцы. И только чудо (и молитвы баронессы, конечно же!) спасли невинное дитя. Наградив ее чудесной магией воскрешения.

– Все хорошо, матушка. – Я покорно последовала ее жесту, присела на диван рядом с баронессой. Замерла на краешке, не решаясь поднять глаз. Смотрит, определенно смотрит – взгляд настолько тяжелый, что я его чувствую. Сердце замирает.

– Я как раз говорила господину Леддоксу, что ранний подъем для тебя губителен. Впрочем, он же Камерарий Его Величества, как ты понимаешь, для нас это большая честь. – Я заметила как дрожат ее пальцы на чашке и все поняла. Человек Короля. Это то, о чем я думаю?

– Простите, достойная леди София, лицезреть Вас такая редкость, что я не мог отказать себе в этом удовольствии. – Его голос убаюкивал и уносил далеко-далеко. Вкрадчивые интонации, казалось, проникали в душу. Я

осторожно подняла взгляд и окунулась в его улыбку. Лицо, испещренное сеткой морщин, такое обманчиво притягательное и располагающее к себе. Но, все равно, даже если это фальшь, смотреть на него все-таки приятнее, чем на сведенные в неестественной улыбке скулы баронессы.

Он молчит, ждет ответа? Баронесса пригубила чай и нервно поерзала.

– Взаимно, господин Леддокс. – А что я еще скажу? Что я вижу его впервые, и что благодаря внезапному визиту услышала сегодня больше приятных слов, чем за всю свою жизнь здесь? Что за несколько дней я узнала много нового? Например, обращение «господин» означает, что он не из старой аристократии, но, раз он человек Короля, то, значит, прогрыз себе дорожку из низов на самый верх. Определенно, стоит опасаться подобных людей. И держаться как можно дальше. – Что привело господина Камерария Его Величества в наш дом?

Баронесса заерзала сильнее. Кончики пальцев, сжимающие чайную чашку побелели. Бедный фарфор. Полноте так нервничать, матушка, я ведь ничего не нарушила, а любопытство свойственно юным девам.

– Хорошие новости, достопочтенная леди София. Поздравляю с присвоением Вам второго имени и внесением в список магов королевства. Долгой жизни Королю!

– Долгой жизни Королю! – Откликнулись хором.

– А также, достопочтенная баронесса Нейлбрант, поз-

вольте лично передать Вам приглашение на бал маскарад, который состоится через неделю в Синем Дворце Его Высочества. Его Высочество кронпринц Чарльз очень настаивал на Вашем присутствии. Вас и Ваших детей. – Последнее слово господин Камерарий произнес с таким нажимом, и посмотрел в мою сторону так красноречиво, что сразу стало понятно *кого* очень ждут на этом мероприятии. Именно меня, подумать только! На столик между нами легли два конверта с вензелями королевской семьи, и в глазах баронессы загорелся огонь. – Прошу прощения, дела короны требуют моего присутствия, я вынужден откланяться. Еще раз прошу извинения за столько ранний и столь поспешный визит. Ваша Светлость баронесса Нейлбрант, достопочтенная леди София.

Он встал, поклонился, мы поднялись следом. На прощание господин Леддокс припал к ручке баронессы и даже к моей. Поднять руку в перчатке, опустить руку, присесть в реверансе, я повторяла действия машинально. Мысли мои были далеко.

Ни на минуту я не обманулась приятной внешностью. Господин Камерарий Его Величества был как сгусток придворных интриг, самой ее сутью. Весь опыт прошлой жизни кричал об этом. Да, я редко сталкивалась с такими людьми, но, если «везло», то видела их в кабинетах начальства и на корпоративах головного офиса – прирожденные карьеристы и интриганы, они улыбались и сияли, жестами и сладкими

речами могли обаять любого. Инстинкт офисного хомячка подсказывал мне держаться от таких подальше.

Значит, мной заинтересовался кронпринц? О-ля-ля. Это не просто выход в свет, это – высшее общество, выше только горы. Мы приглашены на бал при дворце. У меня не было дебюта, но это маскарад, а значит формально ничего не нарушено. Объявлений на входе не будет, вход строго по приглашениям. Все в масках. Как хитро. Зачем Камерарий Его Величества приезжал лично? Ответ лежал на поверхности – посмотреть на меня. Посмотреть, что-то оценить, дать добро и вручить приглашение, если какие-то критерии будут выполнены. В противном случае, я думаю, мне бы просто передали поздравления с новым именем. И все. Значит, моя кандидатура одобрена еще и Его Величеством. Ох, елки.

Не устаю удивляться как меняется лицо некоторых людей. Всего пару минут назад достопочтенная баронесса елейно улыбалась, называла «моя дорогая», а теперь смотрит как на вещь. Словно я лотерейный билет, который внезапно выиграл миллионы.

– Ты же понимаешь что это значит? – В ее голосе торжество и шипение ядовитой змеи. Неприятное сочетание, я невольно вжала голову в плечи. – Ты же понимаешь-ш-ш-ш-шь.

– Да, матушка.

На ее звонок в колокольчик прибежала служанка, совсем не похожая на Ив. Серая, невзрачная, незаметная, будто тень. Она не поднимала головы, не смотрела в глаза. Только

руки нервно сжимали накрахмаленный фартук.

– Немедленно позови сюда госпожу Вайолетт. Нам надо обсудить план дальнейшего обучения этой... – взгляд мазнул по мне и вернулся. О, боги, дрессировка собачки продолжается. Каким еще фокусам вы хотите научить меня, матушка? – Нужен учитель географии, софистики, риторики, геральдики, каллиграфии, истории искусств. Цель изменилась. Нужен кто-то, кто вобьет в ее голову ВСЁ! И быстро! – Сказано это было с придыханием. Бедная моя головушка.

Глава VI, в которой София узнает о мире больше

– Пощады-ы-ы. – Второй день всего, а голова уже готова лопнуть как спелый арбуз. Вчера не помню как спать ложилась. Сегодня сил не осталось. Уронила голову на стопку книг перед собой, за что тут же получила ощутимый тычок указкой в спину.

– Спину держать рофно. Сидеть. Улыбаться. Отфечать.

Хорошо, что разделили физические и умственные занятия. Вначале пытались совмещать, но, как оказалось, ходить с книгами на голове, отрабатывая походку и правильную осанку под методичную речь профессора, можно, но не результативно. На слух я очень плохо воспринимаю информацию, особенно когда сосредоточена на шагах и повороте головы.

Слава Богу, я не мальчик. Если бы в меня заливали еще и программу подготовки аристократов-мужчин, то спать удавалось бы только во время коротких перемен. А, раз лекции по военной стратегии, тактике, статистике, боевой истории военных событий и военного искусства мне не грозят, то программа, можно даже сказать, щадящая. Лишь краткая история, геральдика, география. В общем коротко: где чьи земли, кто кому родственник и кто с кем воевал, женился, дру-

жил. И пара уроков как завязать и поддержать беседу, разговоры о природе и погоде, куда уж без них.

Хотела узнать об этом мире больше? Ну вот, получай. Бойтесь своих желаний, они сбываются.

Королевство, в котором я нахожусь, называется Леравия. Граничит с Силицией, с Салтанией, хотя правильно – Салтанской республикой, Анхельмом, княжеством Гамонией, по морю с Западной Мединой. Времена мирные, торговля процветает, открытых войн нет. Ну, разве что затяжной конфликт между Западной и Восточной Мединой, но он длится многие десятилетия, так что все уже привыкли.

На конвертах, кстати, совершенно одинаковая химера (голова единорога, лапы льва, хвост скорпиона), но в разных цветах. Алый с золотым – цвета правящего монарха Леравии. Это письмо с моим вторым именем из канцелярии Его Величества. Голубой с золотым – цвета кронпринца Леравии, Чарльза. Это письмо матушке с приглашением на бал-маскарад в Синий Дворец. С семьей.

Один из конвертов я распаковывала сама – гербовая печать была защищена магией, и письмо со вторым именем предназначалось лично в руки. Когда я прочитала хитрые завитушки, то даже не удержалась и прыснула в кулак. Ну да, каким еще могло быть второе имя магини, которая умирает и возрождается после смерти? Достопочтенная леди София Фенисто Нейлбрант. А что, звучит.

Помимо второго имени я получила право на собственный

герб с тем самым фениксом. Оказывается, теперь я – вполне себе самостоятельная баронесса, ничего, что пока без земель и владений. Вполне могу себе позволить выйти замуж за крупного купца с землями или мануфактурами, наделив тем самым наших детей титулом барона, собственной геральдикой, которая заставляет детей аристократов стонать при изучении.

Выйти замуж за деньги и связи? Подарить будущему мужу в приданое магию и титул для будущих детей и жить припеваючи? Была бы совершеннолетней – так бы и сделала, не раздумывая. Почему нет? Да, мои наследники считались бы новыми, «низшими» аристократами – «из грязи в князи», как говорится. Старая аристократия относилась бы к ним с предубеждением, двери Великого Дворца были бы закрыты. Ну, а мне-то какая разница? Я из мира, где кастовая система, слава богу, почти отжила свое.

Возможно, матушка так и планировала, но теперь планы поменялись. Приглашение на бал-маскарад – это приглашение на смотрины в высший свет. Это личное приглашение принца, чего уж там. Его Высочество кронпринцесса София Фенисто. Не-не-не, что-то мне подсказывает, что в эту песочницу я со своим совочком залезать не хочу.

Бессмертие. Никто не знает природу подобной магии. Возможно, единственный шанс возвращения я уже использовала, а других не будет (уж я-то точно знаю, что не будет), но даже за этот единственный шанс для будущих наследни-

ков аристократы готовы отдать многое. А монархи тем более.

– Фопрос. Фторое имя Его Феличестфа.

– Салюде.

Профессор Эскопадо продолжал методично и планомерно вбивать в меня информацию. Его странный акцент в своем мире я бы приняла за немецкий. Здесь он был уроженцем Анхельма. Страны маленькой, но амбициозной.

Черные волосы залиты маслом и зализаны по последней моде. Пристальный взгляд из-под кустистых бровей, очень длинный с горбинкой нос. Какие-то совершенно невыразительные усы, которыми, впрочем, профессор, очевидно, гордился и даже завивал кончики на анхельмский манер. И крупный кадык, за движением которого невозможно было не следить: он то вылезал из воротника, то прятался обратно. Туда – сюда, туда – сюда. Завораживает.

– Фопрос. Полные имена Его Фысочестф.

– Его Высочество кронпринц Чарльз Терве и Его Высочество герцог Давосский Лепольд Джест.

У короля есть два сына. Хуже отсутствия наследников может быть только несколько наследников. Еще при живом короле весь цвет аристократии разделился на две партии: первая явно поддерживала кронпринца, вторая негласно стояла за его братом. Не то чтобы сильно отсвечивала, но кронпринц, как и Король, приближал к себе людей энергичных, амбициозных, оказывая покровительство тем, кто еще вчера носил только имя, без фамилий и регалий. Представите-

ли старой аристократии: те, кого настораживала система «из грязи в князи», те, кто радел за преемственность и элитарность высшего класса, сплотились вокруг второго сына короля, герцога Давосского. Как я поняла – сына позднего, болезненного и не очень любимого. В надежде, что, когда он займет трон (три раза "если") все изменится.

– Фопрос. Города Анхельма. Три.

– Мейзгард, Роузкорд... эээ... – Я растерялась. Вспомнить бы! На карте крохотные точки, одно название, что города. «Вспомните как звали ту блоху, что скакала по спине соседского кота». Покосилась на профессора. Из-за его происхождения, мне кажется, я про Анхельм знаю больше, чем про «родную» Леравию. – Мельберг?

Уф, кажись, правильно, иначе не миновать бы мне еще одного болезненного тычка указкой. Поморщился, но промолчал. А кадык все бегаёт, туда – сюда, туда – сюда.

В комнату вошла Ив, легко присела в подобии книксена. Замерла на минуту и постучала костяшками по косяку двери, привлекая внимание: мое и профессора. Жестом показала следовать за ней. Моя спасительница! Неужели столько времени прошло, что уже обед?

Обеденное время из простого поглощения еды тоже превратилось в очередную пытку. Кусок в горло не лез под пристальным взглядом госпожи Вайолетт и достопочтенной баронессы. Так ли сижу, так ли смотрю, тем ли прибором воспользовалась, так ли скомкала салфетку. Непрерывность

контроля удручает, мысленно я уже много раз сбежала из поместья и унеслась далеко-далеко, а пару раз и вовсе сожгла его со всеми домочадцами. Медленно и мучительно. Поэтому стараюсь не дать поглотить себя плохому настроению. Я жива, молода, здорова, и пойду сейчас есть!

К обеду меня снова переодевают. Вместо коричневого плотного платья «для занятий» на мне теперь легкое «домашнее» платье, без корсета. Аллилуйя! Можно вздохнуть свободно. Когда Ив распустила шнуровку, я от радости не выдержала и повернулась всем телом, обняла ее за плечи. Бедняжка совсем засмузилась. Красные пятна покрыли ее щеки, шею, даже уши покраснели.

– До чего же ты примиленькая! – Я чмокнула ее в кончик носа и закружилась по комнате в одной сорочке. В комнате пахло свежей зеленью.

Ив замерла каменным изваянием. Наверное, должно пройти больше времени чтобы она ко мне привыкла. Платье выскользнуло из ее рук.

– Не заболела ли ты, голубушка? – Только сейчас я заметила, что от нее буквально пышет жаром. Волосы под чепчиком растрепались, слиплись, щеки горят. Глаза огромные, зрачки расширены.

Я попыталась прижать ладонь к ее лбу, но она в испуге отшатнулась.

– Тебе надо побережь себя, не перетруждайся. – Я подняла платье, одела сама, поворачиваясь к зеркалу и расправляя

складки. Легкая ткань не сковывала движения, и захотелось вновь бегать, прыгать, кружиться. Боже, как я устала сидеть, словно кол проглотила, во время занятий. Новое тело требовало действий.

Подмигнула отражению. Не время придаваться унынию, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Вот сбегу отсюда и начнется настоящая новая жизнь.

Стоит заметить, моя скромная особа потихоньку занимает целый этаж подобно достопочтенной баронессе. Соседняя с покоем где я разместились комната без мебели предназначена для тренировки танцев и походки. Следующая – переоборудована в кабинет для занятий. Я так все среднее крыло третьего этажа займу. Да и штат разрастается как на дрожжах. В моем путешествии мне будет не хватать Ив. Может, она сбежит со мной?

Я покосилась на служанку. Та продолжала стоять в центре комнаты, прижимая руки к щекам и растеряно глядя на меня задумчивым взглядом. Она такая милая, заботится обо мне. Немного странная, да, но хорошая.

– Давай убежим? Вместе? Вдвоем? – Летний воздух опьянял. Я сказала то, что пришло в голову, не думая что это глупость. Сказала и замерла. Что ты думаешь? Как ответишь? Сдашь меня баронессе?

Глаза Ив заблестели. Она окинула меня взглядом, словно еще раз убеждаясь кто перед ней. Сжала кулаки, сглотнула. И молча кивнула.

Глава VII, в которой у Софии нехорошие предчувствия

Теперь, когда у меня появился сообщник, дни пролетали моментально. И все отчетливее приходило осознание, что наш побег заранее обречен на провал. Нет, мы не опускали руки и продолжали готовиться. Ив как могла жестами объяснила мне что провизия готова. Она даже припасла для меня башмаки – свои отдала, должно быть, но размер почему-то был велик. Я только тогда с удивлением заметила какие крупные у нее ноги. Впрочем, если одеть плотные шерстяные чулки и намотать тряпки на манер портянок, то я могу передвигаться относительно сносно.

Катастрофически не хватало времени. Бал-маскарад приближался, словно весенняя гроза, громыхая издалека, сдавливая грудь в нехорошем предчувствии. А меня ни на секунду не оставляли без присмотра. Даже ночью матушка распорядилась чтобы у моей двери дежурила еще одна служанка. Она даже получила почетный статус «ночной горничной», обязанностью которой было: следить чтобы никто не входил в мои покои, выносить судно и раздвигать утром занавески (которые, наконец-то, повесили). Старая гримза все время гоняла Ив с поручениями и почти не давала нам побыть наедине. Неужели баронесса что-то заподозрила? А ведь я ста-

ралась быть тише воды, ниже травы и послушно выполняла каждое указание.

В конце концов, я смирилась, что маскарада не избежать. Какая, в сущности, разница – бежать до или после? Ну, схожу я на эти смотрины – невелика беда, как говорится, пару часов позора, и ты в дамках. Если все пойдет гладко, матушка ослабит контроль, и нам удастся осуществить задуманное.

Где-то в глубине души я, наверное, даже была рада, что обстоятельства сложились подобным образом. Все-таки, обидно было бы попасть в другой мир, и даже получить приглашение на «вечеринку года», и не побывать на ней. Это будет первое и последнее событие такого масштаба в новой жизни. Других не планируется.

Вот сбежим мы с Ив и пойдем странствовать по свету. Посмотрю мир. Наймемся куда-нибудь прислугой или поселимся в глухой деревне, хозяйство заведем. Тяжелой работы я не боюсь, хотя в другой жизни была человеком сугубо городским, но чего не умею – научусь. Так ведь?

Ну а пока надо немного потерпеть. Особенно неприятная процедура – это посещение... кхм... дамской комнаты. Из-за всех этих корсетов и завязок из платья легко не выпрыгнешь, и, если приспичило, то приходится садиться в буквальном смысле на горшок, больше похожий на вазу. Чувствуешь себя при этом словно баба на самоваре. В эти моменты Ив заливается краской буквально вся, до кончиков ушей. Послушно помогает «ночной горничной» усадить меня, при-

держивает платья или подол ночной рубашки, но смущается неимоверно.

Повезло, что у меня еще «этих дней» не было. Как в таком случае здесь поступают? Не имею ни малейшего понятия. Наверное, отменяют все приемы и лежат пластом в перепачканной кровати. Жуть.

Даже простой обед в присутствии баронессы превращается в отдельный вид издевательства. Госпожа Вайолетт, которая по такому случаю приглашена к столу, следит, чтобы вдолбленный в меня этикет отлетал, что говорится, от зубов. Вот зачем, спрашивается? Если в Синем замке наверняка будет фуршет. Почему я так решила? А как иначе? Вы пробовали в масках за столом чинно восседать? То-то же. Однако, экзекуция продолжается, и в меня раз за разом вбивают малейшие тонкости столового церемониала.

В обеденную залу заходим парами. Мой брат, distinguished лорд Оскар Нейлбрант, ведет меня, аккуратно придерживая руку на локте и словно невзначай поглаживая пальцы. Он подчеркнуто вежлив и предупредителен, и лишь в моменты, когда матушка не смотрит, в глазах играют чертики, и нет-нет да и проскакивает на лице хитрая улыбка. Эта улыбка – как порыв свежего воздуха в душном мире замшелого этикета. В такие моменты я ему несказанно благодарна.

– Спасибо. – Шепчу тихонько. Оскар подмигивает и улыбается, помогает сесть, занимая место слева от меня.

Бросаю быстрый взгляд перед собой. Тарелка столовая, глубокая, а не бульонная чашка. Под ней в качестве подставной использована закусочная тарелка с хитро свернутой салфеткой. Зажимы с драгоценными камнями, кто бы сомневался. Так-с, значит, сегодня у нас имитация торжественного ужина, а не просто обед.

Столовая ложка лежит вогнутой поверхностью вниз между закусочным и столовыми ножами. Слева от тарелок столовая и закусочные вилки зубцами вверх. Ага, значит будет легкий суп, а не бульон. Рыбных блюд в меню нет, десерта не планируется.

Перевожу взгляд на фужеры. Правосторонняя расстановка стекла. Точно будет суп, стало быть и крепленое вино к нему. На линии пересечения верхнего края тарелки с концом первого ножа стоит фужер и мадерная рюмка. Бокал для шампанского только у баронессы. Жадина.

– Как вам сегодня спалось, дорогая? – Она предполагает, что я буду есть и непринужденно вести светскую беседу? Да тут кусок в горло не лезет! А в голове на каждое движение лишь замечания госпожи Вайолетт: «Ложкой черпать суп от себя. Столько, сколько можно съесть за один прием, больше непозволительно. Донышком коснуться края тарелки, сняв все капли. То, что уже зачерпнуть не удастся, оставляем в тарелке, не доедаем. По завершению ложку кладем на тарелку».

– Замечательно, матушка. – Как тут не заработать несва-

рение? Но голодать нельзя, телу нужно восстановить силы для побега. – Сегодня чудесная погода, не правда ли?

Держи осанку, София. Никаких локтей на столе! Во время еды их необходимо прижимать к туловищу, стараясь при этом, чтобы жесты были плавными. Сидеть на стуле прямо, слегка прикасаясь спиной к спинке стула. Ни в коем случае не на краю! С ума сойти можно от списка всех этих «нельзя».

«Нельзя класть палец на ребро ножа, чтобы разрезать кусок мяса». Я виновата, что ли, что по-другому у меня сил не хватает? Все претензии к повару, мясо жесткое!

– Действительно. Как продвигается обучение у профессора Эскопадо?

«Со скрипом», – хочется мне ответить, но я сдерживаюсь. «Нельзя подталкивать ножом пищу на вилку». Р-р-р.

– Вашими заботами, матушка. Приложу усилия.

«Нельзя вначале разрезать мясо и отложить нож, орудия исключительно вилкой». Про американский способ тут даже не слышали!

«Нож и вилку необходимо держать в руках даже когда жуешь».

Вытереть губы салфеткой целый ритуал – скользящее движение использовать некрасиво. Разрешается лишь приложить к губам, слегка промокнуть перед тем, как отпить из фужера, чтобы не оставлять на стекле жирных следов. Пальцы о салфетку вытирать нельзя.

Вот, честно? Я уже ничего не хочу! Но вставать и поки-

дать обеденную залу тоже нельзя. Все сидят и улыбаются, пока баронесса обедает. Положив салфетку на стол, хозяйка показывает, что обед окончен. Только после этого знака остальные также могут подняться.

«После окончания обеда нож и вилку нужно положить на тарелку вместе, параллельно друг другу, ручками вправо». Все. Можно позволить себе выдохнуть.

Оскар помог мне встать, отодвинул стул, а затем, как предписывал этикет, сразу задвинул его обратно. Тут же вернулся ко мне, при этом ловко поймал за талию когда покачнулась. Ну вот, расслабилась и потеряла концентрацию. Все дело в высоких каблуках. Хорошо, что никто не заметил.

Улыбаясь как заговорщики, мы покинули обеденный зал. Брат вызвался проводить меня. Перед дверью «моего» этажа я смущенно остановилась.

– Я пойду. Спасибо тебе еще раз!

– Ну что ты, птичка. – Поцеловал пальцы в перчатке, но не спешил отпускать. Сердце учащенно забилося, неловко-то как. Тут дверь открылась, пропуская Ив. И я поспешила за ней, надо переодеться, и снова на занятия к профессору.

Вечером состоялась первая примерка наряда, который срочно пришлось переделывать в маскарадный. В одной из комнат distinguished баронессы наспех оборудовали примерочную, где на меня надели нечто настолько розовое, с бантами, да еще и с перьями, что хотелось плакать и кричать

одновременно. Кому пришла в голову мысль, что такая расцветка подчеркнет... а что, собственно, она должна подчеркнуть-то? Мою молодость? Нежность? Невинность? В общем, я уже заранее была расстроена.

Единственное что мне приглянулось – это полумаска. То же с розовыми перьями, конечно, но сама она была расшита золотой тесьмой по канту, крепилась на затылке лентами. Крупные отверстия для глаз не мешали смотреть по сторонам, а сама сидела плотно, как влитая. В ней лицо приобретало загадочный вид, а розовые перья удачно скрывали не проколотые уши. Моветон в светском обществе, но уж что поделаться. Матушка уже несколько раз смотрела на них задумчиво, но решения так и не приняла. Оно и к лучшему. После побега мне все равно драгоценностей не носить.

Под конец примерки заглянул брат и вызвался помочь с платьем. Матушка что-то оживленно обсуждала с модисткой, гоняла горничных, топала ногами – в общем, ей явно было не до меня. Ив застыла рядом неммым изваянием.

– Значит, розовое? – Оскар хмыкнул, медленно провел пальцами, расстегивая множество крючков. По спине пробежали мурашки. Удивительно, как отзывается тело даже на малейшую ласку. Совсем я тут одичала.

– Да уж. – Повернулась и скривила рожицу, стараясь свести все к шутке. Надеюсь он не заметил как я смущена? Брат сегодня – само обаяние. Когда улыбается, у него ямочка на щеке. А сколько обожания в глазах! Этот взгляд меня пара-

лизует как кролика перед удавом.

– Тебе идет, птичка.

– Вот на кого я похожа в этих перьях?

– Не переживай, ты прелесть. – Вдруг, он резко наклонился и поцеловал меня в оголившееся плечо. Поцелуй легкий, как крыло бабочки. Я охнула. Бросила взгляд на матушку. Не заметила? А Оскар, как ни в чем не бывало, продолжал светскую беседу. – Возьму на заметку. Попрошу приколоть розовую бутоньерку к лацкану. Так мы сможем найти друг друга на маскараде. Ты ведь не откажешь мне в танце, сестренка?

– Брат, ты!.. – Хотела сказать ему что это переходит все границы, но он со смехом отошел в сторону матушки, а затем быстро откланялся, сославшись на подготовку к маскараду. Так и застыла, смущенная, раскрасневшаяся, пока Ив легонько не коснулась моей руки. В ее глазах плескалась тревога.

– Это не то что ты подумала... – Не знаю куда девать глаза, руки, в растерянности мну платье. Уж Ив-то точно видела все. Что же на меня нашло? – Он слишком многое себе позволяет...

Ив осторожно смотрит в сторону, а затем наклоняется вплотную ко мне. Я чувствую ее дыхание на шее за ухом. И слышу едва различимый шепот: «Не верь ему».

Глава VIII, в которой все скрываются за масками

«Не верь ему». Одна фраза, которая перевернула мой мир вверх тормашками. И я, словно Алиса, падаю в кроличью нору. *«Не верь ему».*

Ив. Почему ты скрыла что можешь говорить? Зачем?

Твой шепот показался мне странным. Голос... очень низкий. В прошлой жизни я назвала бы его прокуренным и не обратила внимания (мало ли юных девиц дымят как паровозы в наше время?), но здесь... не видела, чтобы ты или кто-то из служанок курили.

Какая-то мысль не дает мне покоя, жужжит, словно надоедливая муха, на краю сознания. *«Не верь ему».*

Ладно, зайдем с другой стороны. Неужели три слова стоили того, чтобы раскрыть свой страшный секрет? Ты считаешь, что лорд Оскар Нейлбрант опасен? Но почему? Да, мы не родные (а я так и вовсе ему никто) брат и сестра, но, все-таки, отец у нас общий. И есть нормы приличия. И законы. Этикет. И матушка никогда не допустила бы ничего непозволительного.

«Ты не переживай, сестренка, у нас с тобой другие планы».

Оскар сказал мне в день «знакомства». Что за планы та-

кие? Наверное, Ив права, и надо держаться от него подальше. Вот только смогу ли?

В день маскарада мы ехали в одной карете. Могу сказать, что один экипаж сближает настолько, насколько это вообще возможно. Теснота невероятная! Ради платьев, на которые было потрачено столько усилий, матушка могла бы и раскошелиться на два транспортных средства, я считаю, а то и на три, каждому.

Но обо всем по порядку. Все-таки это был очень знаковый день, насыщенный событиями. С самого утра слуги стояли на ушах, а приготовление к балу начались едва ли не с рассветом. Как думаете, сколько часов надо, чтобы помыться, одеться, сделать прическу и даже макияж? Ох, много.

Кожу распаривали и терли. Мазали каким-то маслом, снова распаривали и снова терли, обрабатывали воском, который отдирали с силой. И снова терли. Было и приятно, и больно. В какой-то момент я перестала следить за тем, что делают с моим телом, и полностью доверилась чужим рукам. Чтобы не сойти с ума от скуки, сначала размышляла о побеге, а затем (когда умные и не очень мысли кончились) начала просто петь песни и читать стихи. Про себя, естественно.

По углам крадутся тени,

На мне очень тонкие чулки с подвязками. Какое-то эротическое безобразие, если учесть, что трусов нет. Слава богу, все это буйство шелка и разврата для галочки, а не чужих глаз. Скрытое множеством пышных юбок. Задрапированное

так, что при желании будет довольно сложно сесть на очередной горшок. Придется терпеть, София. Я то сижу, то стою в центре комнаты, как новогодняя елка, вокруг которой водят хороводы, а туфли уже натирают кожу. То ли еще будет.

Тут и там следят за всеми,

На голове замысловатая прическа из переплетения косичек и отдельных локонов. При всем желании самостоятельно как заплести, так и расплести этот клубок не получится. Хорошо хоть ленты маски завязаны сверху – при необходимости я могу их развязать. На самом мероприятии делать это категорически противопоказано, однако при личном общении с кронпринцем – возможно. Если он захочет, конечно.

Кто нарушит их покой,

Хвала богам, меня почти не пудрили, только прошлись пуховкой по носу, шее и щекам, отчего желание чихнуть стало навязчивым. Хорошо, что здесь не используют что-то вроде белладонны или чего похуже. Уголки глаз затемнили острым кусочком сажи. Аккуратно прошлись розовой краской по губам. Не знаю сколько продержится этот макияж, но, я так понимаю, ни плакать, ни есть с ним не рекомендуется. Да, полумаска скрывает часть лица, но быть максимально привлекательной сегодня моя святая обязанность.

Не останется живой...

Из поместья я выходила впервые. Надо же, дорожку до кареты оперативно застелили чем-то вроде ковра. По обе стороны от которого выстроились слуги. Я и не знала что в по-

местье столько слуг! И столько охраны! Молодые и не очень мужчины в мундирах помогли (да что там! фактически внесли на руках) нам с матушкой усесться в карету. Остается надеяться, что в Синем Дворце нас из нее так же бережно извлекут.

Ехали долго. Я предпочла помалкивать, внимательно слушать родственников и смотреть в колени. А что еще оставалось? От волнения и сильной тряски в животе словно скрутился крепкий узел. Хорошо, что ничего не ела. Небольшие окна экипажа плотно завешены. От матушкиных духов дурно и нечем дышать. Из редких фраз, которыми достопочтенная баронесса иногда обменивалась с сыном, я сделала вывод, что земли барона Нейлбранта не слишком обширны, мало плодородны, зато находятся в пару часов езды от Столицы, а сам барон на хорошем счету у Его Величества, хотя хозяйством своим занимается недостаточно. Одним словом, плевать он хотел *что* на его землях творится, главное живем удобно, можно часто ездить на такие вот тусовки. Сам так вообще из Столицы не уезжает.

По картам, которые удалось изучить на уроках профессора Эскопадо, я уже примерно представляла и расположение поместья барона Нейлбранта, и направление, в котором мы сейчас продвигались. Синий Дворец Его Высочества территориально находился в Столице, пусть далеко от Великого Дворца, но все же показывая придворным расположение Его Величества именно к старшему сыну. А вот резиденция

Его Высочества герцога Леопольда, младшего принца, находилась в Давоссе, много севернее Столицы, как бы намекая, что ему тут не рады. Правда, насколько мне известно, в подконтрольные шахты Давосса младший принц ездил редко. Северный климат совершенно не подходил Его Высочеству. Так что он был вынужден остановиться в съемном поместье недалеко от Великого Дворца, словно какой-то приезжий аристократ, а не родственник.

Карету трясло так, что я боялась откусить язык. Ожидание утомляло, я попыталась расслабиться, отстраниться. С трудом, но мне это удалось, кажется, даже задремала. И, лишь когда тряска почти прекратилась, а шум голосов усилился, поняла, что мы достигли, наконец, цели путешествия.

Один из сопровождающих нас мужчин открыл дверь кареты и замер в ожидании приказов. За его спиной я видела остальных: они также спешили и стояли поодаль, курили, доброжелательно переговариваясь с охраной и передавая поводья подбежавшим слугам. Хм, значит, дальше мы идем пешком. Нас (опять же, на руках фактически) бережно извлекли из кареты и поставили на ковровую дорожку. Путь лежал вперед за резные ворота, вглубь сада, чьи аккуратно подстриженные деревья были украшены фонарями и лентами.

Запах летнего вечера и предвкушение праздника кружили голову. Я подняла глаза вверх и охнула. Поверх ограды на фоне темного неба виднелись шпили замка! Красивого,

словно кукольного, с круглыми башенками и флагами цветов правящего монарха Леравии и кронпринца Чарльза Терве. Не средневековая непреступная глыба из камня для укрепления и военных действий, а сказочный аттракцион в парке развлечений.

Синий Дворец.

Тем временем баронесса передала приглашение, офицер сделал сложный пасс рукой (магия, как на письме с именем?), подтвердил небрежным кивком, и на этом проверка была завершена, нас впустили за ворота.

Словно в другой мир попали. Мир ярких красок и цветных эмоций. Мир масок и веселого обмана. На аккуратно скошенной траве располагались столики с угощениями и напитками, между которыми прохаживались гости в броских нарядах. Во всех этих масках с перьями и шляпами они напоминали гордых павлинов. Тут же бегали слуги в яркой одежде с похожими на бенгальские огни палочками, тоже в масках. Чуть дальше гости танцевали, причем кто-то, мне показалось, уже более развязно, чем того требовали нормы этикета. Музыканты играли то лиричные, то веселые песни, повсюду раздавался смех и крики. У беседки собралась толпа и, судя по шуму, за кого-то громко болела. В пруду плавали лодки, стилизованные под лебедей и украшенные фонарями. В них едва помещались по двое, причем с трудом, судя по тому, что все парочки сидели до неприличия близко друг к другу. Некоторые целовались, не стесняясь чужих взглядов,

не снимая масок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.